

Можно ли придумать для молодого крестьянского парня большую радость, чем завершение сенокоса? Да ежели травы уродились на славу! Да дождик не помешал скосить да просушить! Да если его, Федора, бог силушкой и сноровкой не обидел и прослыл он этим летом одним из лучших косцов, самого соседа Осипа чуть не обогнал! Да денек сегодня удался на славу. Солнышко так и поливает жаром с небес, вода в Пьянке местами прогрелась чисто парное молоко. А работать не надо, оставили его мужики в лугах до заката сторожить косы да грабли, котлы и иное артельное добро. Можно поваляться в тени под кустами, дыша медовыми запахами засушенного сена и глядя, как в добела прокаленном небе неподвижно парят жаворонки и изредка набегают легкие облачка, но сначала надо искупаться в реке.

Федор разбежался и как был в жесткой от пота холщовой рубахе и таких же портах ухнул с невысокого обрыва в быструю речку. Вода оказалась теплой не везде, подводные течения то и дело охлаждали разгоряченное тело, заставляя замирать сердце. Широкими саженками юноша поплыл к тихой заводи, где вода была теплее, а поверх нее раскинулся ковер из блестящих глянцевых листьев, яично-желтых кувшинок и водяных лилий, гордо поднимавших вверх заостренные, полупрозрачные, нежные, словно из белого воска лепестки. Федор нарвал целый букет, с силой выдирая тугие стебли и тревожа чистую заводь облачками дегтярно-черного ила. Цветы ему были, в общем-то, ни к чему, да уж больно смешно чмокали, отрываясь ото дна, упорные трубки.

С пучком цветов в одной руке, загребая другой, он поплыл к пологому берегу, где река намыла небольшую косицу чистого песку. Вышел, не марая ступней, и запрыгал то на одной, то на другой ноге, наклоня голову в разные стороны, чтобы вытряхнуть воду из ушей. И вдруг остолбенел. Из кустов доносились невозможные звуки – вроде бы деви-

чий смех, но какой-то уж больно тоненький, похожий на пересвист болотной птички. На миг Федору стало страшновато, в голове мелькнули рассказы про болотных кикимор да водяниц, с которыми молодому парню лучше бы вовсе не встречаться. Однако был он не робкого десятка и, пересилив боязнь, шагнул вверх по склону и раздвинул кусты, из-за которых раздавался странный смех. И тут же рассмеялся и сам. За кустами на зеленой травке сидела девушка. Чудная такая девушка, но, слава богу, ни на водяницу, ни тем более, на кикимору не похожая. Росточком невелика, станом аккуратненька. Поверх белой рубахи, расшитой по рукавам черно-бордовыми петухами, надет широкий кубовый сарафан, до щиколоток прикрывающий загорелые ноги. А ножки-то такие смешные, темные, словно корочка ржаного хлеба, ступни маленькие, но растоптанные, широкие, как у утенка! Выцветший платочек лежит на плечах. Из тонких косиц в разные стороны торчат белые, прямые, словно лучинки, пряди. А глаза-то большущие, синие, готовые опять брызнуть веселым смехом. А еще и ямочки на розовых щеках, ротик-ягодка (как только в него ложка-то убирается!) и носик курносый весь в конопушках. Стало неловко за свою облепившую тело мокрую одежду.

– Чего скалишься-то? Ай парня мокрого не видала!

– Я на парней глазеть ни на сухих, ни на мокрых не охотница. Да только ты так плескался, что вода из берегов чуть не вышла, испугалась я, не медведь ли в Пьянке рыбу ловит, али рыба-кит завелась.

– Ишь, чего придумала такого! Медведей здесь сроду не важивалось. А про рыбу-кита ты откуда знаешь?

– Из Закона Божиева. Батюшка на уроке рассказывал про Иону-пророка, как его кит проглотил и три дня в своем чреве держал. А еще в сказке про Конька-Горбунка.

– Гляди ты, все знаешь! А как звать-то тебя, грамотеюшка, откуда сама-то здесь взялась?

– Натальей зовут, а живу я с отцом в Каменском. В третьем годе от испанки померла моя матушка и братья с сестрами. Только мы с ним вдвоем и остались. Ходила по ягоды до перелесков. Земляника уж отходит, зато клубники наспело полно! – она показала на два лубяных тuesка. Один, немалой величины, покрыт был широкими листьями кле-на, поверх другого, совсем небольшого, лежали кустики земляники с переспелыми душистыми ягодами.

– Куда же ты листьев-то земляничных надрала?

– Зимой заваривать будем, да ты попробуй, дух-то какой! – и она, сорвав здоровый лист коневника, щедро отсыпала в него спелых ягод новому знакомцу.

Федор поднес к лицу широкий лопух и задохнулся от теплого и сладкого летнего запаха да еще от какого-то доселе неведомого, сладостного и тревожного чувства.

Пока он ел, девчонка с уважением поглядела на добытый им букет водяных цветов.

– А ты силен плавать-то! А я за цветами заплывать боюсь, там трава водяная за ноги цепляется. У меня две подружки чуть так не утонули, ладно мужики увидели, за косы вытащили, еле откачали.

– Эка беда, трава водяная. Разорвал ее – и все. Хотя какая сила, у вас, девчонок! На, цветы-то забери.

Девушка приняла букет и, вытащив из него самую большую лилию, поднесла к своему маленькому, в веснушках носику, и вдруг показала

Федору такой же нежной и красивой, как этот неземной цветок. В голове у него на миг мелькнула картинка – Наталья в невестинном венке с кисейной фатой вокруг него. Он тряхнул головой, отгоняя наваждение, и предложил девушке:

– Туеса-то у тебя тяжеленьки, а до дома далеко. Скоро тятенька мой приедет сюда за скарбом, можем и тебя до дому довести, через Каменское ведь поедем.

– Ой! Плохо ли! А то я уж набегалась, ноги-то гудят.

Отец Федора приехал скоро, но за это время Наталья успела рассказать и про себя, и про своих подружек, про книжки, которые она брала читать у старенькой учительницы, какие умницы у нее курочки-пеструшки. По секрету показала, где по бережку реки растут самая крупная черная смородина и ежевика, тоже наливающиеся в это время душистым соком под иссиня-черной кожицей.

Отец не возражал против веселой попутчицы. Ему, как и сыну, любо было слушать ее щебетанье, подпевать тоненькому голоску, выведившему старинные озорные песни про Матрену и ее милого дружка, про Дуню-перевозчицу. Не отказалась попутчица и от краюшки ржаного хлеба, посыпанной серыми крупинками соли, ни от молока из четвертной бутылки.

«Проголодалась, по лесам-то бегамши», – с сочувствием подумал Федор.

Когда заехали в Каменское, девушка попросила остановиться у домика на берегу мелководной речушки, резво бегущей, чтобы слиться с Пьянкой. Парню екнулось в сердце – уж больно бедна и неказиста была избушка у Натальи. Маленькая, с двумя подслеповатыми оконцами и растрепанной черной соломой на крыше. Только огород за домиком был большой, с хорошо прополотыми ровными грядками, с разными овощами, украшенный большими подсолнухами и розовой цветущей мальвой.

До дома отец с сыном доехали молча, словно дети, потерявшие только что найденную затейливую игрушку.

Село Каменское, где проживала Натальюшка, находилось от их родного Покровского верстах в четырех и было вне всякого сомнения местом весьма славным. Раскинулось оно со всеми своими черемухами и ивами да богатыми огородами в треугольнике, образованном речушкой Ражей, впадающей под прямым углом в полноводную глубокую Пьянку. С третьей стороны треугольник замыкался замечательной красоты озером. Овальной формы чаша с лазурной водой тихо покоилась в обрамлении белейшего песка и вековых, душистых от разогретой смолы сосен. У пологих берегов на теплом мелководье резвились деревенские ребятишки, парни похвалялись друг перед другом, кто сколько раз переплывет озеро. Однако нырять поближе к дну не решался никто. Глубина на середине была такова, что никаких веревок не хватало у мужиков, чтоб ее измерить. Старики сказывали, что на этом самом месте в незапамятные времена провалилась под землю дружина язычничка князя, восставшего против православной веры и направлявшегося разрушить поставленную православными монахами церковь. Она и по сию пору осталась красоваться белой стрелой колокольни да золотыми куполами на противоположном высоком берегу озера.

Немного в стороне от церкви гордо раскинулся богатый дом графов Каменских, которым принадлежали здесь и немалая часть заливных лугов, и сад, и каменоломни, где добывался крепкий белейший извест-

няк – самое главное богатство здешних мест. Впрочем, ни графа, ни его сродников никто из жителей села в глаза не видывал, а заправлял всем хозяйством Иван Карлыч – суровый, тонкогубый и ледоглазый управляющий. И хоть был он неизменно видом холоден и неприступен, но пользовался у мужиков всех окрестных деревень уважением за свою честность и справедливость. Работа в каменоломнях хоть и была тяжела, но платили за нее по деревенским меркам хорошо. Карлыч примечал и заносил в толстенькую книжечку, кто из работников сколько тачек нагрузил белыми ноздреватыми глыбами, как велики и ровны получились камни. По работе была и плата, выдаваемая каждый вечер. К тому же наняться на работу можно было хоть на месяц, хоть на день. Однако большая часть мужиков и парней бить камень ходила в свободное от главных крестьянских работ время, и в страду и сенокос на каменоломнях царила тишина, равно как и в воскресенья и великие двунадесятые и престольные праздники. (Иван Карлыч был крещен в православную веру и много времени проводил в церкви за усердными молитвами вместе со своей сестрой, больше похожей на брата-близнеца.)

Глядя, как между колес поднимаются примятые телегой придорожные пыльные травы, расцвеченные васильками и мелкими ромашками, Федор думал, что жатва еще не скоро, можно бы походить на камни поработать. Когда он сказал об этом отцу, тот пожал плечами:

– Что ж не поработать недельки две-три, коли сила есть.

И едва приметно усмехнулся.

Работа в каменоломнях начиналась рано, чтобы успеть вовремя, будила Федора матушка к выгону коров, поила пенным парным молоком, кормила вчерашней картошкой или кашей. Подхватив узелок с обедом – баклажкой с квасом или простоквашей, большой ржаной ватрушкой или пирогом с картошкой, морковью, – перекинув через плечо здоровенные лапти, весело шлепал парень под нежарким утренним солнцем по узкой росистой тропке среди ржаного поля да неглубоких оврагов до соседнего села. Скоро выучился он непривычному делу, так что мало кто из мужиков мог сравниться с ним как в ровности набитого камней, так и их величине. Иногда, отколов большую глыбу, удивлялся запечатленным на ней следам то ли рыб, то ли иных невиданных тварей. Иван Карлыч, отметивший усердие и сноровку молодого работника, объяснял, что во времена великого всемирного потопа здесь плескалось море, а камень образовался из слежавшихся скелетов морских обитателей. Уму непостижимо, до чего чудны божи дела!

В самое жаркое полуденное время работники отпусkaliсь на обед и отдых. Перекусив, чем бог послал, мужики дремали в тени кустов, молодежь бежала купаться на Пьянку, а Федя спешил на край села, где на лужайке за полуразвалившейся банькой ждала его Натальюшка. Ели пироги да ватрушки из его котомки, пупырчатые свежие огурчики и сочный зеленый лук с ее огорода, запивали кваском да студеной колодезной водой, весело болтали о том о сем. От каменских мужиков узнал Федор, что отец у девушки силой обделен, а характером легкомыслен. Неспособный к сельской работе, земельный надел свой сдает исполу, полученный хлеб кончается задолго до Рождества. Любит пропустить рюмочку-другую, не пропускает ни одной свадьбы или крестин, заглядывает и к самогонщицам, прихватив из дому то пяток яиц, а то и дочкино рукоделье. Живут отец с дочкой огородом, да с ранней весны до морозов бегают Наталья по окрестным лесам, собирает грибы-ягоды, носит их на базар в Бачурино, чтоб хоть какая копейка была в доме,

зимой плетет кружева, ткёт холсты, вышивает на заказ рубахи да тонкое белье.

Быстро летели жаркие летние денечки да короткие теплые ночи. Вот уже и хлеба налились тяжелым колосом. Уродились на славу да ждут хозяина с острой косой и хозяйку, чтобы стать сперва тугими снопами, а там золотым зерном да душистым караваем. Как ни тяжела работа на каменоломнях, а оставлял ее Федор с тоской в сердце. Так привязался он за эти три недели к милой девчонке, что расставаться с нею было не в состоянии. На заработанные деньги купил он милой голубой, как ее глаза, платочек да кулек медовых пряников. Домой привез большой белый кулич, а остальные деньги отдал матушке. На прощание сказал своей любезной:

– Уберем хлеба, попрошу тятю сватов к тебе послать. Пойдешь ли за меня, Натальюшка?

Всегда бойкая девушка на этот раз только покраснела словно маков цвет и едва заметно кивнула головой.

Словно двойная сила разыгралась в плечах молодого крестьянина – так косил он рожь, что матушка с отцом вдвоем не успевали вязать за ним снопы, ладно хоть соседка Пелагея помогла. Невдомек было родителям, куда так торопится сынок, пока не объявил он, что задумал жениться. Отец не спорил – тебе жить-то, а матушка отчего-то опечалилась.

Вот бежит гладкая кобылка с ленточками в заплетенной гриве и колокольцем над дугой по знакомой дорожке. Вот принаряженные отец с матерью, сват, сам жених в вышитой рубахе, поясок с кистями, сапоги гармошкой, спешиваются подле скособочившейся избенки на берегу реки. До чего же хороша Натальюшка в синем, с позументом сарафане, тонкой белой рубахе с вышивкой прорезной гладью! На стол с домотканой скатертью быстро собирает она нехитрое угощение – зарумяненную картошку, плоску печеных яиц, малосольные огурчики, пяточки соленых рыжиков, лук и укроп большими пучками. Бестолково суетится отец, не зная, радоваться или огорчаться неожиданным гостям. Сват ставит на стол бутылек с царской печатью, начинает чинный разговор:

– У вас товар, у нас купец, собой хорош-пригож и в работе молодец...

И все бы ничего, да только пропустив пару стопочек, понесся отец Натальи по кочкам. Надо сказать, что в старые времена был в наших краях обычай, чтобы часть приданого справлял невесте жених, и чем больше эта часть, называемая кладкой, тем больше честь девушке и хвала жениху. Прибалдевший от вина и от гордости, что совсем молоденькую (едва шестнадцать годков сравнялось) дочку сватает красавец, из справной семьи жених, пошел мужичонка куролесить.

– Шубу справить дочке должен, да суконный сарафан, еще ботинки на пуговках...

Федор подумал, что купить суженой ботинки по размеру будет нелегко, где найдешь такие маленькие да широкие!

Отец жениха пока согласно кивал, мать сидела, поджав губы. Но когда дошел хозяин до пуховой шали и плюшевой жакетки, терпение покинуло Александра Матвеича.

– Да ты совсем, Лукьян, сбрендил! В плюшевых жекетках одни только барыни ходят. Мне что, корову вам на наряды продавать! Пойдем отсюда, Федя! Нет моего согласия с нищим дураком родниться!

Как во сне послушно поднялся Федор с лавки и пошел к двери вслед за отцом и матерью. В сенях стояла Натальюшка, маленькие ладони

крепко сжаты в кулачки, в глазах, обычно ясно-голубых, плещется темная синева грозовой тучи.

«Отчего она не скажет, что не нужны ей все эти тряпки, что любит она меня и так?» – промелькнуло в голове у Федора.

А подумал бы, что не дело девушке вешаться парню на шею да отца еще больше конфузить! Так и прошел Федор мимо своего счастья.

На обратном пути, глядя, как свесил сын головушку на могучую грудь, захотел отец его утешить:

– Может, и к лучшему, что не сговорились, девчонка-то хоть и приветлива, да уж больно щупленька, к крестьянской работе не приучена. А жениться тебе надо. Вон Дарья у Шаровых чем не невеста! Что в поле, что во дворе – наипервейшая работница, а уж красавица писаная и нравом покладаиста, ничем господь не обидел!

Мать суетливо поддакивала. И только незадачливый жених угрюмо молчал.

Вечером, отказавшись от ужина, пошел Федя ночевать в амбар. В проем открытой двери поставил деревянную решетку, накинул на нее от комаров реденький полог и развалился на широкой, сработанной отцом лавке, между пустым, пахнувшим мышами сусеком и кованым сундуком с материнским приданым. Лежал, глядя в темноту, и все думал о Натальюшке.

– Неужто не собиралась она за него замуж и вместе со своим вздорным отцом хотела только поднять его на смех?

– Федя, Феденька! – донесся вдруг из темноты жалобный голос матушки.

Он слышал, как мать отодвигает решетку и робко присаживается у него в ногах. Вот, тяжело вздохнув, она шепотом начала разговор:

– Сынок, сделай ты такую божескую милость, женись на Дарье. Ты ведь еще не знаешь, что твой тятенька учудил. Он ведь слово дал соседу нашему Василию засватать его Агафью за нашего Лексея.

– Да что ты! – вырвалось у Федора. – Она ведь больная да стамая!

Сосед Василий мужик был работающий и богомольный, ходил по деревням плотничать вместе с отцом. Однако из-за своей страшной неведучести никак не мог выбиться из нищеты. Да и то сказать, не было у него ни одного сына, а зато четыре девки-перестарка. Земли, значит, выделялось ему только на одну мужскую душу, а дочерей чем кормить? Вот и хватало его плотничьих заработков только чтобы не голодать семье. Нечего и думать на приданое девкам отложить. Да еще были они вовсе не красавицы, маленькие, худосочные и силой обделенные, где уж им женихов найти! Видать, пожалел тятенька своего товарища, побещав засватать Агафью за младшего сына.

– Феденька, не хотела я говорить, да, видно, пришла пора. Худо мне, болит все нутро, чую, что не долго жить мне на белом свете. Помру, не станет в доме ни одной работницы, порушится все хозяйство.

– Ладно, мамынька, все сделаю, как прикажешь. Будет тебе помощница, только не хворай ты, Христа ради!

Сватовство к Дарье прошло как по писаному. Сильная и красивая девушка, самая старшая в многодетной семье, несказанно рада была выйти за парня ладного да работающего, с одним только деверем и одной, да и то замужней, золовкой. К тому же свекор со свекровью слыли за людей добрых и богобоязненных. Вскоре сыграли и свадьбу меньшого брата с соседкой. Лексею и в голову не пришло перечить батюшкиной воле. Жизнь вроде налаживалась. Получив сразу двух помощниц,

воспряла духом и матушка, на болезнь вроде бы не жаловалась. Да и сам Федор первое время был доволен молодой женой. Собою хороша, нравом покладиста, всякая работа горит в руках. В радость новоиспеченному мужу было и обладание крепким и красивым женским телом, принесшее спокойствие и довольство собой вместо постоянных чувств смятения и телесного напряжения.

Но вскоре стал замечать Федор за собой какое-то необъяснимое раздражение на жену. Да, мужу ни в чем не отказывает, но и сама первой не приласкается. Если и разговаривает, то только про хозяйство. Грамоте не знает вовсе, молитву и ту толком прочесть не может. Предлагал научить, так она отмахнулась:

– На что мне, это пусть у нас Агаша читает, а я послушаю.

Чем дальше, тем больше раздражала Федора законная супруга. Неприязнь вызывали правильное лицо, высокая грудь, маленькие ножки, и даже в руку толщиной темная коса, падавшая из-под платка ниже пояса, напоминала отчего-то жирную гадюку.

А вскоре явилась в их тихую крестьянскую семью неожиданная напасть: одному из братьев пришлось предписание идти на военную службу. Федор думал не долго, помыслив, что, видно, господь бог решил все за него, и без сожаления оставил родное село. Не пожалел он о своем выборе и потом, когда восхищенный его статью военный командир отправил новобранца не куда-нибудь, а в Санкт-Петербург в его величества Гренадерский полк. Домой слал он письма, как хорошо кормят и содержат их в теплых казармах, что несет он караул во дворце у самого царя-батюшки, а недавно после парада пил он вместе с другими гренадерами водку из одного огромного ковша с самим императором. Не было почты в далеком от Петербурга селе Покровском. Не скоро приходили в родной дом весточки от бравого солдата. А еще дольше, с оказией, доходили к нему письма из деревни.

В одном письме написал брат своим ладным почерком, что отошла в иные пределы душа их родной матушки и что у Федора родилась дочь Марьюшка. Рождение девчонки оставило Федора равнодушным, что назвала Дарья дочку именем свекрови, вызвало только раздражение. Как будто неразумное дитя может заменить сыну родную мать!

Показал солдат письмо из дома ротному командиру и попросился в город помянуть во храме новопреставленную. Командир одобрил и посоветовал съездить в Исаакиевский собор, отменный по своей красоте и величию. В ближайшую же субботу добрался Федор до храма и был поражен его огромностью и роскошью убранства. Мощные колонны терялись высоко под куполом неба, голос диакона гремел под сводами набатом. Казалось, что не для простых смертных построено это чудо, а для молитв былинных чудо-богатырей, сказочных великанов. Поставив большую свечку на канун перед деревянным распятием, солдат обнажил голову, перекрестился и вдруг почувствовал тихую радость, словно родная мать слышала его молитву в этом великом Божием доме и сама просила Господа не оставить сынка во всех испытаниях.

А испытания не заставили себя ждать. Вскорости грянула война с японцами, и Федора отправили на фронт. Правда, забрали не простым солдатом, потому как приглянулся он своей статью генералу. Генерал, пожилой и шупленький инженер по мостам и дорогам, пожелал иметь денщиком бравого гренадера. И вот трясется Федор не в теплушке с другими солдатами, а в спецпоезде, в закутке рядом с генеральским

купе. Глядит в вагонное окошко, дивуясь то бесконечным таежным лесам, то бескрайней унылой степи. И впрямь – велика Россия-матушка, сколько солдатиков положит за нее свои головы!

Поначалу служба при штабе после гвардейской муштры казалась Феде сущим праздником. Только в один холодный вечер вызвал его к себе генерал, подозвал к столу с разложенной большой картой, в которой денщик уже немного разобрался.

– Дело тебе опасное предстоит, все вестовые в разъезде, а надо срочно передать этот пакет полковнику Рязскому. Донесли мне, что японцы намерены зайти в тыл его полка, окружить и уничтожить. Не предупредим, сложит головы много наших солдат. Идти тебе надлежит по льду через вот это озеро. Храни тебя господь.

И генерал подал Федору запечатанный сургучом пакет.

* * *

Сознание возвращалось к Федору какими-то клочками. Над головой то появлялся, то снова растворялся потолок из неочищенных березовых стволов, ярко вспыхивала и меркла свеча, вырывая из темноты тонкое усталое женское лицо в белой с красным крестом косынке. Резко пахло лекарствами, кровью и нечистотами. Он с трудом повернул голову и увидел, что рядом на подушке лежит голова бородатого пожилого солдата. Увидев, что Федор глядит на него, солдат усмехнулся:

– Ну, что, герой, оклемался? Повезло тебе, чуть живого притащили тебя в госпиталь, в ногу раненного. Уже и кровь не текла, и дышал еле-еле. Только доктор у нас, божьей милостью, настоящий кудесник, пулю тебе вытащил, мясо зашил. Сказал, что жить будешь и ходить.

На другое утро врач-хирург слова соседа подтвердил, однако предупредил:

– Рана была тяжелая, задета кость. Хоть организм твой и богатырский, но беречься необходимо. От большого напряжения рана может открыться в любое время. А вообще, поставь, гренадер, свечку господу богу, другой на твоём месте в могиле бы лежал. Да генералу своему спасибо скажи, американских лекарств он тебе привез, смогли снять воспаление и ногу сохранить.

Федор перекрестился, похолодев от мысли, какой опасности он избежал. Остаться безногим, да это же хуже смерти!

Словоохотливый сосед поведал, что ранен был Федя в ногу картечью, когда полз, истекая кровью по льду озера, что почти без сознания до своих добрался и вовремя о намереньях японцев их предупредил.

– А ты сам-то ужель ничего не помнишь?

– Помню, – медленно заговорил Федор. – Как по льду полз, как по ноге, словно огнем полоснуло. Еще зверя помню. Еле живого, а все равно страшного. Полз он за мной и кровь на льду подлизывал, усы у него еще в крови были. А как к своим выполз, как пакет передал, не помню, хоть убей!

– Ну, парень, видать, смерть твоя за тобой ползла. Говоришь, с усамми? А может, тигра, они здесь водятся. Лютая зверюга, куда там нашему волку! Что она тебя не сожрала, так это чудо, видно, ждала, пока сам помрешь. Ты вот что, домой приедешь, часовню поставь на берегу реки во спасение свое.

Совет этот Федор Александрович исполнит, как только приедет домой на побывку. Да вот не застанет он дома не только матушки, но и отца,

простудившегося на постройке дома в соседней деревне и в одночасье отдавшего богу душу.

Не задержится на побывке бравый отставной прапорщик и Геогиевский кавалер Федор Лязин. Поставит часовню на перекрестке двух лесных дорог под кудрявою березой, оставит жену беременной дочерью Лизой. А потом отбудет в любезный своему сердцу Санкт-Петербург, нести службу швейцара в богатом доме все того же генерала. Служба была не тяжела – открывать дубовую дверь перед важными гостями, принимать их одежду. А в остатнее время разрешалось ему сидеть за конторкой да читать газеты и книги, к которым он пристрастился еще в госпитале. С полным равнодушием вспоминал он жену, брата и дочерей. И лишь мысли о Натальюшке заставляли иногда дрогнуть сердце.

Только через много лет, в огненном восемнадцатом, сведет их последний раз судьба.

Возвращаясь с братом как-то из уезда, сидел Федор, призадумавшись, на телеге, когда их лошадку обогнал открытый запыленный автомобиль. Истошно завывая мотором и воняя керосином, машина рванула вперед по проселочной дороге. Рядом с шофером сидела чудно наряженная баба – кожаная куртка вся в ремнях, на голове такая же кепка, из-под которой торчат во все стороны лучинки коротко стриженных волос, на поясе кобура с громадным револьвером. Баба скользнула по ним оловянным взглядом и отвернулась. Брат заполошно начал креститься:

– Пронеси господи, пронеси! Только бы не к нам!

На развилке машина развернулась и помчалась в сторону Каменского.

– Слава тебе господи, к себе подалась, – брат вытер тряпичей мокрые от пота лоб и шею.

– Ты чего испугался, кто она такая-то? – удивился Федор.

– Ай, Фединька, да ты не узнал невестушку-то свою! Наталья это, Лукьянова дочь. Когда у вас с ней сватовство-то не сладилось, женихи стали ее стороной обходить. Да и она не больно на гулянки-то бегала. Все сидела дома да книжки безбожные читала, у ссыльной учительницы брала. И стала с тех пор как одержимая говорить, что бога люди придумали, что между бабой и мужиком никакой нету разницы и что все люди равны. Это ж надо придумать, выходит, солдат равен генералу, а труженик лентяю. А ты хоть одного человека одинакового видел? А как товарищи к власти пришли, она к ним и подалась. Комиссарша она теперь, носится по деревням, хлеб отбирает. Кто из мужиков посправнее, спуску от нее не жди – все отнимает, а многих и в Чеку отправила. А оттуда только одна дорога – за Волгу на лесоповал, да на торфы. Вот так-то, жених.

Федор опустил голову и долго молчал, чувствуя свою вину в этом страшном превращении.